

О.В. БАРАБАШ, О.В. МЕЩЕРЯКОВА
(Пенза)

**КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА
И ПРАВА***

Рассматривается коммуникативный аспект взаимодействия языка и права; представлен анализ наиболее типичных в юридических текстах речевых ошибок, затрудняющих понимание деловых документов и препятствующих решению правовых задач.

Ключевые слова: язык, право, речь, коммуникативный аспект.

В развитии современного общества прослеживаются две основные тенденции: глобализация в экономике, праве, культуре и активизация национального самосознания. С одной стороны, глобализация влечет за собой унификацию правовых норм в странах Европы и Америки, становление международных знаковых систем, стандартизацию электронного документооборота и т.п. В свете этого процесса обостряется вопрос о возможности и необходимости рецепции европейского права на российскую почву. С другой стороны, нельзя не учитывать особенностей национального языка, предопределяющих специфику русского правосознания и правотворчества. В связи с этим особенно актуальной представляется в настоящее время проблема взаимодействия языка и права.

Одним из важных аспектов проблемы языка в праве является взаимосвязь между сообщением и восприятием информации, передачей и пониманием ее смысла, иными словами, коммуникативный аспект.

Коммуникативный аспект взаимодействия языка и права связан с выработкой условий адекватного кодирования и декодирования информации в акте правовой коммуникации, понимаемой нами как проходящий в пра-

* Исследование проводится в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

вовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа (адресанта) к субъектам, реализующим право (адресатам). Согласно концепции Н.А. Любимова, структура акта правовой коммуникации состоит из следующих компонентов: адресант > сообщение, код, референция, контакт > адресат [11]. Сообщение включает совокупность правовых норм, установленных уполномоченными государственными органами. Референция – это содержание сообщения, т.е. правовых норм. Контакт – совокупность средств, обеспечивающих связь между участниками правовой коммуникации.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить понятию кода в структуре правовой коммуникации, а также условиям наиболее адекватного восприятия правовой информации. Код – это язык, который является «органической частью правовой коммуникации», «отражает (отчасти и формирует) сознание рядовых носителей языка – участников правовой коммуникации» [6]. Законодатель, устанавливая правовые обязанности, дозволения и запреты, выступает в роли проектировщика, который вносит изменения в реальный мир, влияет на сложившуюся систему социальных связей [8]. Коммуникативная и волюнтаристическая функции языка права имеют важное социальное значение. Во-первых, посредством языка категория «законодательная воля» становится общей – общегосударственной волей. Во-вторых, через язык закона реализуются цели законодательной политики, поскольку, по сути, он выступает средством официального общения государственной власти и населения. В-третьих, язык обеспечивает регулятивную направленность закона, воздействуя на волю и сознание граждан. Из этого следует, что посредством законодательного языка общезначимые воля и интересы приобретают государственное признание, доводятся до всеобщего сведения, становятся юридическим мотивом и в конечном счете находят свое воплощение в индивидуальном и массовом поведении людей [5].

Основным инструментом осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности является символический знак – сло-

во. Любое правовое явление – закон или судебный акт – есть текстовое явление, феномен речевой коммуникации. Текст, если рассматривать его в системе обобщенных функциональных категорий, квалифицируется как высшая коммуникативная единица. Это целостная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации [4]. Назначение русского языка в правотворческой и правоприменительной сфере заключается в обеспечении лингвистически грамотного, предельно точного изложения законодательной мысли в ясных, понятных и однозначных словесных выражениях, что является неотъемлемым условием социальной ценности правовых норм, правильности и эффективности их применения, а также залогом повышения уровня общественного правосознания.

Действительно, к тексту юридического документа – законодательного акта, судебного решения, протокола – предъявляются особые требования: правильный отбор языковых средств должен наилучшим образом способствовать решению правовых задач. Повышение требований к оформлению судебных актов подтверждается тем, что 1 июля 2010 г. вступил в силу Федеральный закон РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», согласно ст. 14 которого к информации о деятельности суда, размещаемой в сети Интернет, наряду с общей информацией о суде, данными судебной статистики, сведениями о кадровом обеспечении суда, относятся сведения, связанные с рассмотрением дел в суде, в том числе тексты судебных актов. Любой судебный документ (за исключением актов, содержащих данные, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну) становится доступен каждому пользователю сети Интернет, при этом оформление и содержание этого документа должны отвечать современным языковым и правовым нормам и стандартам. Таким образом, очевидна значимость адекватного языкового выражения смысла правовых норм для их эффективного применения.

Как известно, красивая, хорошо организованная речь обладает такими коммуникативными качествами, как правильность, уместность, богатство и разнообразие, точность, логичность, чистота, выразительность, достаточная полнота и предельная краткость. Точность речи проявляется в использовании слов в пол-

ном соответствии с их языковыми значениями. К наиболее типичным ошибкам, нарушающим точность речи, можно отнести употребление слов в несвойственном им значении; смешение паронимов, омонимов; синтаксическую многозначность. Юридически грамотное приращение в приговоре установленных судом обстоятельств дела, краткое и ясное изложение выводов и решения суда имеют особое значение. Не допускается двусмысленность выражений, поэтому для достижения максимальной точности высказывания в некоторых случаях следует поступиться краткостью изложения, неоднократно повторяя фамилии, названия и т.п.

Ясность и точность изложения достигаются употреблением специальных терминов, позволяющих экономить языковые средства (например, «алиби» вместо описательного оборота «обстоятельство, исключающее пребывание обвиняемого в месте преступления в момент его совершения»). Использование в судебных актах слов иноязычного происхождения, недостаточно освоенных русским языком, а также специальных (неюридических) терминов должно быть стилистически уместным и семантически оправданным.

Точность, т.е. соответствие высказывания замыслу оратора и явлениям действительности, является необходимым качеством судебной речи. Предметная точность состоит в том, что судья должен хорошо знать материальные дела, о которых говорит. Понятийная же точность зависит в первую очередь от точности словоупотребления, в частности от выбора синонимов. Понятийную точность тексту придают стандартные обороты (клише): «мотивы преступления», а не «побуждения»; «возбудить уголовное дело», а не «начать»; «применить меры пресечения», а не «принять»; «произвел осмотр», а не «осмотрел» и др. Выбор того или иного клише должен быть продуманным. Например, оборот «произвел выстрел» соответствует разговорному «выстрелил». Однако с юридической точки зрения между ними существует смысловое различие: оборот «произвел выстрел» подчеркивает умышленный характер этого действия, тогда как значение слова «выстрелил» допускает и неосторожность.

Неправильное употребление стандартных оборотов приводит к нарушению точности высказывания. Так, распространенной ошибкой является использование клише «из показаний усматривается» в значении «наличествует в показаниях» (см., например, Приговор Ка-

лининградского областного суда по делу № 2 – 6/ 2008 г.; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.1999 г.; Определение Верховного Суда Российской Федерации № 55-О04-35 от 19.05.2005 г.). В предложениях с этим оборотом должны содержаться не сами показания допрошенного лица, а логический вывод из них.

Смещение паронимов также затемняет смысл высказывания. Довольно часто слово «апробировать» употребляют в значении ‘опробовать’, что является речевой ошибкой. Действительно, эти слова созвучны, но обладают различным значением: «апробировать» (*лат. arrigare*) – ‘одобрять, утверждать’ [3]; «опробовать» – ‘подвергать испытанию до применения; испытывать, определяя состав, качество чего-либо’ [13]. Нередко неточность вызывает употребление вместо слова «довольно» (в значении ‘до некоторой степени’) слова «достаточно», которое имеет значение ‘столько, сколько требуется’ (Там же), поэтому выражения «достаточно низкий уровень жизни», «достаточно высокий уровень преступности» следует считать ошибочными. Таким образом, точность как качество речи отражает умение ясно мыслить, знание предмета речи и значений употребляемых слов.

Точно обозначенные понятия, ясно выраженные мысли должны быть поданы логично. Мыслить и рассуждать логично – значит мыслить точно и последовательно, доказательно и убедительно [1], не допускать противоречий в рассуждении. Важным условием создания логичной речи является правильный порядок слов в предложении, позволяющий избежать двусмысленности высказывания. Нарушение логических связей между словами и частями высказывания может привести к непреднамеренному комизму. Поддержанию логичности речи способствуют специальные языковые элементы, в частности вводные слова «во-первых», «во-вторых», «следовательно», «таким образом», «итак», «иными словами», «следует подчеркнуть» и т.д.

Логичность письменной речи проявляется в соблюдении законов логики, правил построения умозаключений, приведения доказательств. Так, согласно закону тождества каждая мысль при повторении должна иметь одно и то же содержание. Например, нелогично описание верхней одежды, данное одним из следователей по-разному в различных документах. В протоколе осмотра описывалась «шуба», в протоколе приобщения к делу вещественного доказательства «шуба» называ-

лась «дубленкой», в расписке же потерпевшего, подтверждавшей получение одежды, «дубленка» именовалась «тулупом» [12]. Важно соблюдать логическую последовательность и при описании признаков предметов в протоколах: от общих признаков к частным или наоборот.

Логичность на уровне целого текста зависит от его композиции, придающей судебному акту цельность, внутреннюю стройность и завершенность. Логика связи между частями судебных решений и определений закреплена в ст. 127 Арбитражного процессуального кодекса РФ в виде традиционного членения на вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части [2]. В указанной статье приводится также план изложения каждой из частей судебного акта, который не следует нарушать.

Важным коммуникативным качеством деловой речи является полнота высказывания, которая зависит от наличия в тексте всех структурно необходимых элементов. Неоправданный пропуск важных членов предложения создает так называемую неполноту речи и затрудняет понимание ее смысла. Полнота судебной речи определяется также достаточностью аргументации. Например, нельзя считать убедительным постановление о производстве следственного действия при отсутствии в нем аргументации принятого решения.

В то же время не следует переполнять текст правового акта избыточными элементами. Краткость – одно из основных достоинств речи, выражающееся в умении передать мысль минимально необходимым количеством языковых средств. Излишние повторы, использование семантически избыточных слов, «называние» однотипных придаточных предложений делают речь громоздкой, сложной для восприятия. Чем лаконичнее и компактнее изложен судебный или законодательный акт, тем лучше воспринимается его содержание. Текст должен быть таким, чтобы ни одно слово не выглядело лишним или лишенным смысла.

Распространенной ошибкой является многословие, например: «в совершенно нетрезвом состоянии» [9]. Как виды многословия рассматривают тавтологию и плеоназмы, перегружающие речь избыточными по смыслу, дублирующими друг друга языковыми средствами.

Одной из наиболее частых ошибок в судебных документах является неправильное употребление наречий и присоединительных союзов «также», которыми нередко начинаются подряд несколько абзацев судебного акта. Слишком частое употребление в тексте дело-

вых документов слов «поскольку», «а именно», «кроме того», «также», «факт» не всегда бывает оправданным, затрудняет восприятие речи.

Экономное использование средств языка, при этом достаточно полно выражающих смысл высказывания, позволяет наилучшим образом достичь поставленной коммуникативной цели. В документе должны излагаться только юридически значимые соображения. В частности, если составляется жалоба на судебное решение, анализ дела должен быть ограничен мотивами этого решения. Таким образом, краткость изложения достигается, с одной стороны, отражением в тексте лишь необходимой для разрешения дела информации, а с другой – экономным использованием языковых средств.

В жанре протокола одной из наиболее типичных ошибок является нарушение чистоты речи. Чистой называется такая речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов (слов и словосочетаний) или элементов, отвергаемых нормами нравственности [7]. Чистоту речи нарушает употребление просторечий, диалектизмов, варваризмов, жаргонизмов, вульгаризмов, канцеляризов, слов-паразитов и т.п., например: «моталась», «попался на скамью подудимых», «выпивши», «орать» вместо «кричать», «почтамп» вместо «почтаму».

Следует отметить тесную взаимосвязь понятий «чистота» и «уместность» речи. Уместность – это функциональное качество речи, предполагающее выбор речевых средств, соответствующих целевой установке высказывания.

Привлекать и поддерживать интерес слушателей или читателей призвано такое качество речи, как выразительность. Важными условиями последней считаются оригинальность мышления автора, умелое использование имеющихся в языке стилистических средств. При этом отметим, что для делового процессуального документа характерен особый тип выразительности: оценка преподносится в смягченных тонах. В то же время выразительным является документ, который не только сообщает о чем-то, но также убеждает в подлинности записанного, достоверности зафиксированных сведений, обоснованности решения, требования. Иными словами, богатство и выразительность документа зависят от организации его содержания и характера использованных языковых средств.

Создавать речь, обладающую перечисленными выше качествами и максимально соответствующую задачам оратора, позволяют зна-

ние и соблюдение норм современного русского литературного языка, а также особенностей функционирования отдельных языковых элементов в юридическом подстиле официально-делового стиля. В связи с этим одной из приоритетных задач современного российского образования является повышение речевой компетенции профессиональных юридических кадров, формирование качественно нового поколения юристов, способных на высоком профессиональном уровне осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина, решать задачи государственной правовой политики.

Более того, правильная и точная формулировка требований закона должна способствовать, на наш взгляд, их доступности не только для специалистов, но и для рядовых граждан. Возможность понимать закон создает важную предпосылку для становления и развития индивидуального и, следовательно, общественного правосознания. Как отмечает И.А. Ильин, «нелеп и опасен такой порядок жизни, при котором народу недоступно знание его права: когда, например, среди народа есть неграмотные люди, или когда право начертано на чуждом языке, или когда текст законов остается недоступным для народа, или же смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно» [10]. Таким образом, становится очевидным, что коммуникативный аспект взаимодействия языка и права является определяющим как в правоприменительной, так и в правотворческой деятельности.

Литература

1. Алексеев Н.С., Макарова Е.В. Ораторское искусство в суде. СПб., 1985.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30, ст. 3012.
3. Большой словарь иностранных слов в русском языке. М., 2003.
4. Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие. М., 2003.
5. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Червонюк. М., 2003.
6. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. URL : www.konference.siberia-expert.com.
7. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.
8. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2003.

9. Информационное сообщение Пресс-службы МВД по Республике Татарстан от 23 марта 2011. URL : www.mvd.ru/news/show_87677.

10. Ильин И.А. О сущности правосознания. URL : www.philosophy.ru/library/il/02/01.html.

11. Любимов Н.А. Конституционное право России: лингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

12. Михайлов А.И., Подголин Е.Е. Письменная речь при производстве следственных действий // Закон: интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. URL : www.prokнадzor.ru.

13. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2000.

Communicative aspect of language and law cooperation

There is regarded the communicative aspect of language and law cooperation; suggested the analysis of the most typical speech mistakes in juridical texts, which complicate the understanding of official documents and prevent from the solution of legal tasks.

Key words: *language, law, speech, communicative aspect.*

О.В. ГУСЬКОВА
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОГО ГРАФИЧЕСКОГО СЛОВА КАК РЕЧЕВОГО ЗНАКА

Автором работы в основу подхода к графическим словам в арабском литературном языке положена концепция лингвистического знака

З.М. Шаляпиной, предполагающая анализ речевых единиц со стороны плана выражения, плана содержания и плана их собственно знаковой структуры.

Ключевые слова: *минимальный языковой знак, минимальный номинативный языковой знак, максимальный номинативный языковой знак, лингвистический знак, трихотомичность строения графического слова как речевого знака.*

Не вызывает сомнения то, что тема графического слова относится к числу наиболее традиционных для общего языкознания. Нельзя

также не признать ее до сих пор сохраняющуюся открытость в арабистической науке, где она по-прежнему остается на первоначальной стадии теоретико-методологического осмысления. И в арабском языкознании, и в европейской арабистике, о чем наглядно свидетельствует их понятийно-терминологический аппарат, графическое слово выступает как одно из самых неопределенных понятий. В частности, арабская единица *كلمة* [ka'limatunØ] «слово» не удовлетворяет статусу термина графического слова из-за ограниченности смыслового поля лишь «словами фонетическими»: *كلام* [ka'lāmunØ] «речь» в его общетрадиционном истолковании ограничивается арабскими филологами формой устной, но не письменной. О нерешенности рассматриваемой проблемы в отечественной арабистике говорит расплывчатость понятия арабского слова вообще. Наводнение арсенала ее методологического аппарата словами «фонетическими», «графическими», «морфологическими», «синтаксическими» [3, с. 46] свидетельствует скорее о неустоявшейся терминологической практике и отсутствии четкого объекта исследования, чем о необходимости многоаспектного изучения такого феномена, как арабское слово. Ни отечественные, ни зарубежные ученые-арабисты, такие, например, как В.М. Белкин, Б.М. Гранде, А.А. Ковалев, В.В. Лебедев, Г.Ш. Шарбагов, Н.В. Юшманов, К. Броккельман, А.Ф. Бистон, К.П. Каспери, В. Монтей, В. Райт, С. Де Сасси, В. Фишер и др., не поднимают в теоретическом плане главный, на наш взгляд, для лингвистического статуса арабского слова вопрос: считать его единицей языка или речи. Семантико-синтаксическая, а зачастую и формальная нетождественность языковых и речевых единиц между тем не позволяет объединять их в рамках одного и того же понятия слова.

Графическим словом мы считаем речевой знак, представляющий собой фиксированную последовательность знаков арабской письменности – харфов, харакатов и сукуна (либо только харфов ввиду в основном факультативной графической репрезентации харакатов и сукуна), ограниченную от аналогичных маркированных единиц данного уровня соответствующими проблемами. Это графическая синтагма, образование которой регулируется соответствующими правилами арабской графики, или так называемого «практического» письма.

Неразработанность в арабистической науке связанных со словом общетеоретиче-